

ПРАВО

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 59–69

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 59–69
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-59-69>

EDN: PNVTRD

Научная статья
УДК 34.023

Правосубъектность роботов: дискуссии и перспективы

А. П. Анисимов

Донской государственный технический университет, Россия, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин, anisimovap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3988-2066>

Аннотация. *Введение.* В последние годы в России и за рубежом активно обсуждается вопрос о том, могут ли высокоразвитые роботы с элементами искусственного интеллекта признаваться субъектами права, т. е. обладать правами и обязанностями в юридическом смысле. *Теоретический анализ.* Было проведено исследование и представлена аргументация за и против признания роботов с искусственным интеллектом субъектами права. *Эмпирический анализ.* Выполнен аналитический обзор законодательства Российской Федерации, Европейского союза, США и Китая, регламентирующего правовое положение роботов с ИИ, выявлены сходства и различия их подходов. *Результаты.* Ни в одной стране мира роботы с ИИ не обладают правосубъектностью. Все примеры наделения их таким статусом либо носят символический характер, либо остаются предложениями и обсуждениями без законодательного закрепления. Доминирующая мировая практика исходит из того, что робот – это объект, механизм, принадлежащий человеку или организации, и в отношении него права и обязанности принадлежат его владельцам, разработчикам и пользователям. Как в теории, так и на уровне политических решений отмечается, что техническая и социальная зрелость ИИ недостаточна, чтобы считать его самостоятельным субъектом. Робот с ИИ не обладает сознанием, моральной ответственностью, а его уравнивание с человеком будет преждевременным и рискованным. Такая электронная правосубъектность может ослабить реальную ответственность людей, став способом ухода от ответственности корпораций, но все это может измениться в будущем.

Ключевые слова: робот, искусственный интеллект, субъект, цифровые технологии

Для цитирования: Анисимов А. П. Правосубъектность роботов: дискуссии и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 59–69. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-59-69>, EDN: PNVTRD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

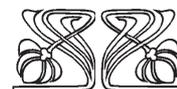
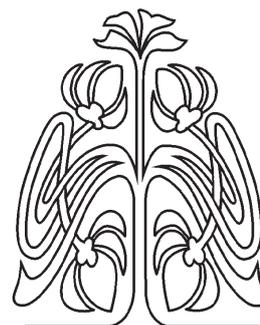
Article

Legal personality of robots: Discussions and prospects

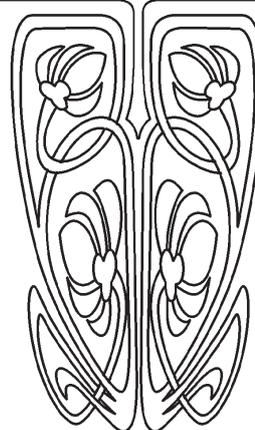
A. P. Anisimov

Don State Technical University, 1 Gagarin Sq., Rostov-on-Don 344000, Russia
Aleksy P. Anisimov, anisimovap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3988-2066>

© Анисимов А. П., 2026

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Abstract. Introduction. In recent years, the question of whether highly developed robots with artificial intelligence elements can be recognized as subjects of law, that is, have rights and obligations in the legal sense, has been actively discussed in Russia and abroad. **Theoretical analysis.** The study was conducted, and the arguments for and against recognizing robots with artificial intelligence as subjects of law were presented. **Empirical analysis.** The author carried out an analytical review of the legislation of the Russian Federation, the European Union, the USA and China regulating the legal status of robots with AI, and identified similarities and differences in their approaches. **Results.** In no country in the world AI robots have legal personality. All examples of granting them this status are either symbolic in nature, or remain proposals and discussions without legislative consolidation. The dominant world practice proceeds from the fact that a robot is an object, a mechanism belonging to a person or an organization, and in relation to it the rights and obligations belong to its owners, developers and users. Both in theory and at the level of political decisions, it is noted that the technical and social maturity of AI is insufficient to consider it an independent entity. An AI robot lacks knowledge and moral responsibility, and equating it with a human would be temporary and risky. Such an electronic legal personality may weaken the real responsibility of people, becoming a way of avoiding corporate responsibility, but all this may change in the future.

Keywords: robot, artificial intelligence, subject, digital technology

For citation: Anisimov A. P. Legal personality of robots: Discussions and prospects. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 59–69 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-59-69>, EDN: PNVTRD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В последние годы в России и за рубежом активно обсуждается вопрос о том, могут ли высокоразвитые роботы с элементами искусственного интеллекта признаваться субъектами права, т. е. обладать правами и обязанностями в юридическом смысле. Традиционно круг субъектов права ограничен физическими лицами (гражданами), государством и юридическими лицами, но динамичное развитие технологий ИИ ставит новые вызовы перед правовой системой. С одной стороны, робот не может быть субъектом права, поскольку он не является живым существом и не обладает сознанием и свободной волей. С другой стороны, право уже оперирует искусственными конструкциями: например, корпорации или государство наделяются правосубъектностью, хотя сами по себе не являются живыми людьми. Отдельно вопрос о правосубъектности давно обсуждается применительно к животным: должны ли некоторые животные (например, высокоразвитые обезьяны) получить особый правовой статус? В разных странах на этот вопрос дан различный ответ. Эту же динамику мы видим и применительно к роботам: факт присвоения гражданства Саудовской Аравии роботу Софии в 2017 г. широко обсуждался в СМИ как первый прецедент символического признания робота субъектом права¹. В том же 2017 г. Европейский парламент в своей резолюции также предлагал концепцию «электронной личности» для сложных автономных роботов. Эта динамика событий означает, что

¹ Робот-андроид София стала подданной Саудовской Аравии. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4680400> (дата обращения: 25.11.2025).

данная проблема уже вышла за рамки правовой теории и приобрела прикладное значение.

Теоретический анализ

Правосубъектность в юридической науке традиционно понимается как способность лица быть носителем прав и обязанностей, истцом и ответчиком в суде [1, с. 510]. Исторически понятие «лицо» возникло в Древнем Риме, причем римские юристы четко различали юридическое понятие лица и конкретную человеческую личность. Впоследствии под влиянием философии в Европе начало происходить сближение этих понятий, и субъектом права стал считаться человек. Однако право знает много случаев, когда нечеловеческие образования признавались лицами: юридические лица (корпорации, унитарные) давно рассматриваются как фиктивные субъекты, созданные для участия в гражданском обороте. В современном праве категория «юридическое лицо» не требует биологических признаков, являясь специальной правовой конструкцией, созданной законом для определения лиц, обладающих правами и обязанностями. Другими словами, субъект права – категория, созданная в результате правотворчества для достижения определенных целей.

В истории не все люди наделялись правами на равных основаниях – история знает примеры рабов, не считавшихся лицами, и крепостных крестьян с ограниченной правосубъектностью. Из этого следует вывод о том, что правовой статус субъекта никогда не был неизменной категорией, а является результатом политико-правовых решений. Если закон посчитает целесообразным, то он включит в круг субъектов права новые явления или существности.

Это хорошо видно на примере дискуссии о правосубъектности животных. Животные традиционно относились к категории объектов права (имущества). Во всех правовых системах на протяжении веков они рассматривались как вещи: домашние животные считались собственностью владельца, не обладая самостоятельными правами. И хотя современное законодательство отдельных европейских стран признает животных чувствующими существами и усиливает их защиту, полноценной правосубъектности животные пока не получили. Например, в большинстве юрисдикций животное не может быть истцом в суде; за нарушение обращения с ним несет ответственность человек, но сам пострадавший питомец не имеет права на возмещение вреда. Вместе с тем ряд ученых обсуждают концепцию «правового достоинства» животных: уже выдвигаются предложения о признании отдельных высокоразвитых животных (приматов, слонов) «нечеловеческими лицами» с особым статусом [2]. Но пока эти идеи мало востребованы, и животные по закону продолжают оставаться особыми объектами, а не субъектами права.

В свою очередь, роботы и системы искусственного интеллекта по своей природе не являются ни живыми организмами, ни социальными общностями, созданными людьми (как корпорации). Это искусственные технические устройства или программы. Базовая концепция классического права – рассматривать технику как имущество и орудия труда, находящиеся в собственности людей или организаций. Однако по мере усложнения возможностей ИИ возникает вопрос: не следует ли пересмотреть этот подход для автономных систем, способных действовать без прямого контроля человека? Ведь если некий алгоритм принимает решения и совершает поступки, приводящие к юридически значимым последствиям, как квалифицировать его роль в правоотношении: продолжать считать его простым инструментом в руках владельца либо придать ему роль самостоятельного участника правоотношения? Чтобы ответить на этот вопрос, надо взвесить цели и критерии правосубъектности. Закон наделяет субъектов правами и обязанностями для защиты, прежде всего, их интересов (самого субъекта и окружающих) и для вовлечения в зону правовой ответственности. Поэтому ключевыми моментами являются: 1) способность иметь интересы и нести

ответственность; 2) общественная потребность в признании данного интереса/ответственности юридически важными. Рассмотрим эти критерии применительно к роботам.

Аргументы против признания роботов субъектами права. Многие исследователи полагают, что наделение роботов правосубъектностью в настоящее время неоправданно и преждевременно как по фактическим причинам (недостаточный уровень развития ИИ), так и по нормативно-этическим основаниям. Их главные аргументы состоят в следующем.

1. *Отсутствие автономной воли и сознания.* Роботы в данный момент не обладают самосознанием, эмоциями, разумной волей в человеческом понимании [3, с. 88]. Их поведение полностью определяется программным кодом, заложенным разработчиками, и обучением на данных. Даже самые продвинутые роботы не обладают моралью и не могут нести юридическую ответственность, поэтому их нельзя сравнивать с людьми, которые осознают последствия своих действий. Как пишут российские авторы, поведение робота не является полностью самостоятельным, а его волеизъявление проблематично, что не позволяет считать его полноценным субъектом права [4].

2. *Наличие за каждым роботом контроля со стороны человека.* Практически во всех случаях действия ИИ опосредованно сводятся к деятельности людей (разработчиков, владельцев, операторов). Европейский парламент в одной из своих резолюций (2020) подчеркнул, что любые действия, совершаемые ИИ, являются прямым или косвенным результатом деятельности конкретных лиц, создавших, внедривших или настроивших систему ИИ. За ошибкой алгоритма всегда есть ошибка человека – программиста, производителя, пользователя. Соответственно, привлекать к ответственности нужно этих людей или организации, а не пытаться сделать ответчиком машину [5].

3. *Нарушение этических правил и ценностей.* С этической точки зрения многие эксперты также возражают против уравнивания роботов и людей. В 2017 г. после предложения о предоставлении роботам особого статуса сотни ученых, инженеров и юристов подписали открытое письмо в Еврокомиссию с критикой этой идеи [6, с. 83]. В письме указывалось, что рекомендации Европарламента основываются на искаженном научной фантастикой восприятии

роботов и являются неуместными с этической и юридической точек зрения. Они опасались, что размывание границы между человеком и ИИ может снизить ценность правового статуса человека, ведь его права исторически связаны с присущим людям достоинством и сознанием. Идею «электронных лиц» прямо назвали опасной, так как она ведет к прекращению ответственности людей и неоправданному присвоению прав машинными объектами.

4. *Появление угрозы по злоупотреблению правом.* Предоставление правосубъектности влечет не только обязанности, но и права. Признанный субъектом права робот теоретически может потребовать соблюдения своих прав, например на свободу выражения мнения. Абсурдность ситуации очевидна, однако тут можно задаться вопросом: если за корпорациями суды признают некоторые конституционные права, то что помешает творчески распространить эти права на ИИ? В экстремальном варианте высокоразвитый алгоритм мог бы претендовать на право не быть отключенным (аналог права на жизнь) или на неприкосновенность «частной жизни» своих данных. Пока это чисто футурологические фантазии, однако они подчеркивают юридическую непредсказуемость последствий признания роботов с ИИ субъектами права.

Развивая тему злоупотреблений, следует заметить, что идея электронного лица может быть недобросовестно использована человеком (организацией) для ухода от юридической ответственности. Например, компания-разработчик может формально переложить вину за ошибки ИИ на сам ИИ, если последний станет субъектом права. Возникает риск, что люди (создатели и пользователи) укроются за «личностью» робота с ИИ, оставив потерпевших без реального возмещения. Поэтому без надлежащих ограничений присвоение роботу с ИИ собственной правосубъектности повлечет наделение его правами без реальной ответственности, превратив в «цифрового козла отпущения» без активов, морали и способности понести (осмыслить) наказание.

5. *Отсутствие у ИИ собственных интересов, требующих защиты* [7, с. 127]. В отличие от животных, которые способны страдать и потому заслуживают гуманного обращения, робот лишен чувств. У него нет собственных потребностей (кроме определенных разработчиком) или целей вне заложенных в программе.

Поэтому нет и того внутреннего блага, которое нуждалось бы в правовой охране ради самого робота. Все интересы, связанные с работой ИИ, на самом деле являются интересами людей – разработчиков (в прибыли, репутации), пользователей (в удобстве, безопасности) или общества (в эффективности, защите от угроз). Поэтому охрану этих интересов можно обеспечить опосредованно, не признавая за роботом самостоятельного правового статуса. Иными словами, мы не придаем правосубъектность кухонному комбайну или автомобилю (хотя они могут причинить вред при неправильном использовании), и за их безопасность отвечает производитель (при использовании – владелец). Искусственный интеллект пока что более сложная технология, но, по сути, тот же подход может быть применен и к нему.

Таким образом, критики идеи «робота-субъекта права» настаивают, что существующие нормы и принципы позволяют решать все возникающие проблемы без революционных нововведений. Нужно совершенствовать законодательство об ответственности за применение ИИ, страхование рисков, сертификацию и контроль алгоритмов, но не создавать фиктивных «электронных лиц», которые только запутают правовую систему и ослабят стимулы к безопасному использованию техники. Этот консервативный подход настаивает: роботы – это лишь инструменты для людей, и отвечают за них люди.

Аргументы в пользу правосубъектности роботов. Несмотря на преобладание скептической позиции, отдельные юристы и специалисты в сфере робототехники выдвигают аргументы в поддержку возможности (или даже необходимости) признания роботов субъектами права при определенных обстоятельствах. Эти аргументы, как правило, носят прагматичный характер – речь идет не о «правах роботов ради роботов», а о том, как лучше урегулировать их ответственность и оборот в новых условиях цифровой экономики. Рассмотрим ключевые доводы сторонников более радикального подхода.

1. *Эффективное распределение ответственности и возмещение вреда.* Главный практический резон – изменить механизм ответственности за действия автономных систем [8, с. 104–105]. Если сложный ИИ действует более-менее самостоятельно, возникают пробелы в традиционных моделях ответственности.

Например, автономный беспилотник совершил действие, приведшее к ущербу, – насколько справедливо всю ответственность возлагать на его владельца, который мог не предвидеть такого исхода? Или на разработчика, чья программа благодаря самообучению изменила свое поведение? Некоторые авторы предлагают признать продвинутых роботов специальным субъектом права (электронным лицом) [9, с. 33] с возложением на него в том числе обязанности возместить вред. Естественно, сам робот не заработает денег для компенсации, поэтому идея состоит в создании страхового фонда (обязательного страхования) для такого робота с ИИ. Это напоминает режим ответственности юридических лиц: корпорация отвечает только своим имуществом, и наличие статуса юридического лица служит инструментом обеспечения выплат пострадавшим. Аналогично, у робота «электронного лица» может быть страховой депозит или фонд, из которого удовлетворяются требования в случае причинения им вреда. Признание ограниченной правосубъектности упростит привлечение к ответственности без выяснения сложных цепочек вины – пострадавший просто предъявит иск роботу как отдельному субъекту права, а тот в денежной форме возместит убытки (за счет страховых средств). Предполагается, что все это повысит прозрачность отношений с участием роботов и обеспечит лучший баланс интересов.

2. *Возможность участия робота в имущественном обороте.* Если допустить, что в недалеком будущем появятся роботы с ИИ, способные самостоятельно осуществлять хозяйственные операции (например, автономные торговые агенты, заключающие сделки на бирже, или интеллектуальные управляющие имуществом), то может возникнуть потребность наделить их некоторой дееспособностью. Уже сейчас существуют так называемые смарт-контракты – самоисполняющиеся алгоритмические соглашения, действующие без прямого участия людей. Возникает вопрос: кто является стороной такого контракта? Сейчас контрагентами выступают люди, но что мы будем делать при появлении полностью автономных сделок? Один из подходов – придать программам-агентам статус субъектов права, чтобы они могли формально заключать договоры, владеть имуществом и т.д., не выходя за рамки правового поля. Тут можно провести аналогию

с корпоративным правом: юридическое лицо выступает субъектом сделок, но «мыслят и действуют» за него люди-управляющие. Если же ИИ способен действовать без управляющего, то его можно легализовать в виде новой организационно-правовой формы или особой разновидности субъектов права. Наличие таких дискуссий говорит о стремлении бизнеса шире использовать цифровые технологии. Признание ограниченной правосубъектности ИИ снимает ряд препятствий для инноваций, позволив ИИ легально выходить на рынок от своего имени.

3. *Сходство робота и юридического лица.* Как и у последнего, у робота есть ряд таких же характерных признаков. Так, робот может иметь регистрацию (в Ростехнадзоре) и учетный номер; обладать хозяйственной компетенцией, соответствующей целям его деятельности; обладать имущественной базой, поскольку робот априори представляет собой материальную ценность; его можно привлечь к юридической ответственности (например, в виде принудительного отключения или доработки программы, а также утилизации как крайней мере ответственности). Из этого следует, что, на первый взгляд, робот с ИИ обладает отдельными элементами субъекта права при осуществлении им производственно-хозяйственной деятельности [10, с. 88]. Робот не может испытывать эмоций в случае привлечения его к уголовной ответственности, но и юридические лица их не испытывают (во многих странах мира возможно их привлечение к уголовной ответственности) [11].

4. *Гибкость правовых понятий и экологические прецеденты.* Ученые отмечают, что гражданско-правовые понятия достаточно гибки и эластичны, поэтому выбор конкретной модели правосубъектности и распределения ответственности всегда зависит от практических потребностей общества. История знает случаи расширения круга субъектов: помимо корпораций, в отдельных юрисдикциях природные объекты (реки, экосистемы) или Природа в целом признавались субъектами права, чтобы обеспечить их судебную защиту [12]. Так, река Whanganui в Новой Зеландии получила статус юридического лица в целях защиты интересов экосистемы, с судебными представителями-людьми². Этот пример показывает, что критерием признания

² Река Уонгануи в Новой Зеландии получила статус юридического лица. URL: <https://www.5-tv.ru/news/116560/> (дата обращения: 20.11.2025).

субъектом является целесообразность: в тех случаях, когда традиционных средств недостаточно для охраны интересов граждан, общества и государства, законодатель может создавать правовые фикции. И если цифровая экономика выдвинет запрос на особый статус для ИИ, государство и право могут пойти навстречу. Это новое явление можно обозначить как «квази-субъект права» (в том числе и применительно к роботам), как промежуточную категорию, наделенную лишь отдельными элементами правосубъектности. Такой компромиссный подход позволил бы постепенно интегрировать ИИ в право, не приравнивая его полностью к людям, но и не оставляя за рамками закона.

5. *Подготовка к появлению более развитого ИИ.* Футурологический, но небезынтересный довод состоит в том, что право должно быть готово к потенциальному появлению искусственного интеллекта, сопоставимого с человеческим по уровню разумности. Если когда-то создадут самосознающие машины, способные испытывать эмоции и иметь самостоятельные цели, то с этической точки зрения им может потребоваться признание базовых прав (на существование). Безусловно, регулирование существующих роботов с ИИ, не обладающих никакой субъектностью, должно исходить из прагматичных соображений, но закрепление в праве возможности признания субъектности нечеловеческих разумных существ может пригодиться в будущем.

Таким образом, сторонники правосубъектности роботов фокусируются на утилитарных выгодах и необходимости адаптации права к технологическому прогрессу. Их позиция не подразумевает наделения роботов всеми правами человека, но предлагает новые правовые конструкции для конкретных задач: ответственности за вред, участия в коммерческом обороте, управления ресурсами, возможно, и реализации ограниченных «прав ИИ» (например, авторских прав на созданные им произведения). При этом даже самые активные сторонники такой идеи признают: эти меры нужны не сегодня, а в отдаленной перспективе, когда уровень автономности и значимости роботов достигнут критической точки, делающей старые взгляды неэффективными³.

³ Give robots 'personhood' status, EU committee argues. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2017/jan/12/give-robots-personhood-status-eu-committee-argues#:~:text=The%20proposed%20legal%20status%20for,%E2%80%9D> (дата обращения: 20.11.2025).

Эмпирический анализ

Ввиду глобального характера развития ИИ дискуссия о правосубъектности роботов ведется во многих странах. Однако конкретные решения и мнения могут различаться в зависимости от правовой культуры и традиций. Рассмотрим вопрос о регулировании правосубъектности роботов в нескольких наиболее интересных юрисдикциях: России, Евросоюзе, США и Китае.

Россия. В российской правовой науке проблема правового статуса роботов стала активно обсуждаться в последние пять–семь лет. Специального законодательства о робототехнике или ИИ в России пока не принято – эти отношения регулируются общими нормами гражданского права. Несколько раз возникали инициативы и исследования, предлагающие подготовить закон о робототехнике [13, с. 28], который ввел бы понятие автономных устройств, однако о присвоении им полноценной правосубъектности речи не шло – скорее, предполагалось уточнить правовой режим робота с ИИ как объекта права.

Позиция большинства российских ученых сводится к тому, что в существующих условиях наделить робота правосубъектностью невозможно и нецелесообразно. Такой вывод обосновывается тем, что современные технологии ИИ еще не достигли требуемого уровня развития: нынешние роботы не могут выступать полностью автономными субъектами в силу ограниченности их ИИ и зависимости от данных. Роботы не способны к полностью самостоятельному поведению и свободному волеизъявлению, поэтому говорить об их равноправии с людьми преждевременно. Вместе с тем российские авторы не отрицают, что со временем ситуация может измениться. Подчеркивается, что право должно мониторить технологический прогресс, и в нужный момент – когда роботы достигнут достаточной автономности и вовлеченности в оборот – может возникнуть необходимость инициировать вопрос о присвоении роботу статуса субъекта [14]. Уже предлагаются понятия «квазисубъект» или «электронный агент», идет доктринальное обсуждение идеи о постепенном расширении элементов правосубъектности роботов.

Российское законодательство пока исходит из традиционной конструкции: робот является

имуществом, а ответственность за ущерб, причиненный источником повышенной опасности (например, роботом на базе ИИ), лежит на его владельце либо на ином субъекте, определяемом законом (ст. 1079 ГК РФ)⁴. Интересно, что высшие судебные инстанции также не предлагают особых разъяснений по этому поводу, вероятно, ожидая развития практики.

Отдельно стоит упомянуть отношение к животным в российском праве как возможную параллель. В 2018 г. был принят федеральный закон⁵, признающий животных существами, способными испытывать эмоции и страдания, однако при этом животные прямо не называются субъектами права. Они занимают промежуточное положение: не вещи в полном смысле слова (на них распространяются особые правила обращения), но и не носители субъективных прав. Возможно, аналогичный путь – создание специальной категории объектов с повышенной защитой – мог бы быть применен и к роботам, если общество сочтет нужным предотвратить, скажем, бесконтрольное уничтожение ценных роботов с продвинутыми системами ИИ. Пока подобных норм нет, и сама логика развития законодательства в РФ предполагает, что прямое уравнивание робота с субъектом права маловероятно в ближайшем будущем. Скорее, возникнет особый режим ответственности либо регистрационный учет наиболее сложных роботов (как предлагается в других странах).

Европейский союз. Европейский союз известен своим проактивным подходом к правовому регулированию новых технологий, и тема робототехники не стала исключением. Первоначально 16 февраля 2017 г. Европарламент принял резолюцию с просьбой к Еврокомиссии подготовить проект директивы о гражданско-правовых нормах в области робототехники. В ней содержался призыв рассмотреть возможность создания специфического правового статуса для самых продвинутых автономных роботов – статуса «электронного лица». Эта инициатива сопровождалась и рядом других

предложений: создать Европейское агентство по робототехнике, ввести регистрацию особо сложных роботов, а также этический кодекс для разработчиков, предусмотреть обязательное страхование ответственности производителей робототехники [15]. С одной стороны, эти новаторские идеи дали понимание, что роботизация затрагивает все больше сфер жизни и требует комплекса регулирующих мер. С другой стороны, идея «электронной правосубъектности» стала объектом дискуссий, поскольку предоставление прав роботам могло бы отвлечь внимание от ответственности их создателей и даже предполагать признание у машин неких «человеческих» прав. В последующие годы позиция ЕС заметно изменилась. В 2019 г. Европарламент принял новую резолюцию, посвященную промышленной политике в сфере ИИ и робототехники – в ней уже не было упоминаний о каком-либо специальном статусе для ИИ.

Курс сместился в сторону поэтапного, секторального регулирования – обсуждались вопросы этики, стандарты безопасности, правоприменение существующих норм, но не создание «электронных лиц». В октябре 2020 г. Европарламент утвердил резолюцию с рекомендациями по режиму гражданско-правовой ответственности за ИИ, где прямо указал, что системы ИИ не обладают правосубъектностью и не имеют «человеческого сознания», а потому нет необходимости наделять их юридической личностью. В этом документе законодатели ЕС подчеркнули, что любое причинение вреда с участием ИИ является следствием действий людей, а реформы института ответственности должны исходить из принципа: субъектом ответственности остается человек или организация, управляющая ИИ. В апреле 2021 г. Еврокомиссия представила проект регламента ЕС об искусственном интеллекте – первого всеобъемлющего акта по регулированию ИИ. В окончательном тексте, который был принят Европейским парламентом 13 марта 2024 г. и одобрен Советом ЕС 21 мая 2024 г., нет положений о правосубъектности ИИ. Закон фокусируется на оценке рисков систем ИИ, устанавливает обязанности для поставщиков и пользователей высокорискового ИИ (например, систем распознавания лиц, автопилотов и т.д.), вводит надзорные органы.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации: часть вторая : федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Это означает, что ЕС выбрал путь регулирования поведения людей и компаний, связанных с ИИ, но не наделяя ИИ правами и обязанностями. Прежние идеи об электронных лицах при этом прямо упоминались в ходе обсуждений как нежелательные. Вместо этого в тексте регламента ИИ определяется как технология, продукт или сервис, отвечающий определенным требованиям. При этом примечательно, что в правовых системах стран-членов ЕС также нет примеров специального правового статуса для ИИ. Некоторые государства (Германия, Франция) внесли изменения в законодательство об автономных автомобилях, робототехнике, но везде сохранен принцип ответственности владельца/производителя. Отсюда следует вывод, что Евросоюз в ближайшей перспективе не планирует признавать роботов субъектами права, считая достаточным комплекс традиционных мер: лицензирование, страхование, стандартизация и усиление ответственности компаний.

США. В правовой системе США вопрос о правах и обязанностях роботов с ИИ решается преимущественно через существующие правовые конструкции, без введения новых субъектов. В США нет федерального законодательства, провозглашающего особый статус ИИ, равно как нет и судебных прецедентов, признающих за роботами правосубъектность. Однако богатая практика ответственности и защиты прав в сфере технологий уже сейчас сталкивается с вызовами ИИ, и юристы стали активно обсуждать возможные решения. Действующее право США исходит из того, что робот с ИИ не является субъектом права. Это проявляется в различных отраслях: например, в праве интеллектуальной собственности автором или изобретателем может быть только человек. Бюро авторского права США считает, что произведения, полностью созданные ИИ без участия человека, не охраняются авторским правом. Робот не может быть носителем права интеллектуальной собственности, поскольку он не является субъектом права. В сфере гражданско-правовой ответственности в США (если автономный робот причинил вред), американские суды будут искать ответственного среди людей или компаний: это может быть производитель (если был дефект продукта), программист (если им была допущена ошибка кода), владелец или оператор (если неправильно эксплуатировал). И даже если вину человека будет сложно вы-

явить (если нейросеть самостоятельно приняла решение), закон склонен возлагать риск на тех, кто эксплуатирует ИИ и получает от него выгоду. Споры о том, нужен ли новый субъект, пока носят чисто доктринальный характер. При этом стоит заметить, что все попытки законодательно признать ИИ субъектом права терпят неудачу из-за междисциплинарных проблем и отсутствия прецедентов. Практики же (юристы компаний) более озабочены прикладными вопросами: как обеспечить ответственность и минимизировать риски.

Поэтому пока американское право идет по пути восполнения локальных пробелов в праве: судебная практика постепенно адаптирует существующие нормы к новым ситуациям (через творческое толкование договоров, условий использования ИИ, деликтных исков и т.д.). На законодательном уровне обсуждаются требования к прозрачности алгоритмов, регламенты использования систем ИИ, ответственность за вред автономных транспортных средств, но признаков готовности сделать робота субъектом права нет.

Китай. Данная страна является одним из мировых лидеров в разработке и внедрении роботов с ИИ, стремясь создать сбалансированную нормативную базу для инноваций и контроля рисков. В отличие от ЕС, китайский подход отличается большей осторожностью в вопросе правового статуса ИИ: в Китае не выдвигалось инициатив по признанию роботов самостоятельными субъектами права и преобладает точка зрения, что ИИ – это инструмент в руках человека, а не потенциальный носитель прав. В Китае полагают, что интеллектуальные роботы не обладают реальной и юридической личностью и не могут быть включены в существующие определения физических или юридических лиц в гражданском праве. Гражданское законодательство опирается на классические категории: субъектами правоотношений могут быть граждане, организации и государство, а роботы рассматриваются как объекты (имущество), так как у них отсутствуют биологические и социальные признаки, присущие носителям прав. Практическое решение, предлагаемое китайскими юристами, заключается в том, что за вред, причиненный роботом, должен отвечать производитель или оператор на тех же основаниях, как если бы ущерб причинил любой другой технически сложный продукт.

Интересно, что китайское правительство активно развивает «мягкое» регулирование ИИ: кодексы этики, отраслевые стандарты, экспериментальные зоны. В 2022–2023 гг. Китай принял несколько документов по регулированию алгоритмов ИИ (например, правила по управлению услугами генеративного ИИ, использованию данных и др.), устанавливающих требования к прозрачности, недопущению злоупотреблений, лицензированию [16]. Однако в них не ставится вопрос о правосубъектности роботов – они понимаются как объекты прав, а обязанности отданы платформам или разработчикам. Китай смотрит на ИИ прагматично: это, прежде всего, инструмент развития экономики и государственного управления. Соответственно, права ИИ не находятся на повестке дня, напротив, официальный дискурс подчеркивает подконтрольность ИИ человеку и необходимость сохранения над ним полного контроля. Примечательно, что китайский суд признал изображения, сгенерированные ИИ, объектом авторского права, однако указал, что это право принадлежит тому, кто контролирует алгоритм, т. е. человеку⁶. Соответственно ИИ – это не субъект, а объект (инструмент) в руках людей.

Таким образом, китайская модель характеризуется сочетанием инновационности и консерватизма: с одной стороны, Китай много внедряет ИИ и даже опережает другие страны по ряду законодательных мер, с другой – он строго придерживается классической концепции субъекта права, не выражая готовности экспериментировать с юридическими фикциями для роботов.

Результаты

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что ни в одной стране мира роботы с ИИ не обладают правосубъектностью. Все примеры наделяния их таким статусом либо носят символический характер (как гражданство робота Софии в Саудовской Аравии), либо остаются предложениями и обсуждениями без законодательного закрепления. Доминирующая мировая практика исходит из того, что робот – это объект (ме-

ханизм), права и обязанности в отношении которого принадлежат его владельцам, разработчикам и пользователям. Даже в ЕС, где изначально говорилось об «электронной личности», от этого впоследствии отказались, так как аргументы против наделяния роботов правосубъектностью перевешивают доводы сторонников такого решения. Как в теории, так и на уровне политических решений отмечается, что техническая и социальная зрелость ИИ пока недостаточна, чтобы считать его самостоятельным субъектом права. Робот не обладает сознанием, моральной ответственностью и подлинной автономией, поэтому его уравнивание с человеком выглядит преждевременным и рискованным. Такая электронная правосубъектность может ослабить реальную ответственность людей, став способом ухода от ответственности корпораций. Потребности защищать права роботов с ИИ нет еще и потому, что у них отсутствуют собственные интересы, требующие правовой охраны (в отличие, например, от животных). Право сегодня вполне способно охватить проблематику ИИ существующими нормами, от законов по защите прав потребителей до уголовных норм о киберпреступлениях.

Аргументы в пользу признания роботов субъектами права, скорее, ориентированы на будущее. Их нельзя полностью отвергать, поскольку с усложнением ИИ некоторые из этих доводов могут стать более весомыми. В частности, в вопросах гражданско-правовой ответственности за непредсказуемое поведение автономных систем возможно появление пробелов в праве, когда ни одна из традиционных сторон (производитель, программист, владелец) прямо не виновата, но вред причинен. На этот случай прорабатываются решения по обязательному страхованию, что можно рассматривать как элемент «квазиправосубъектности». Еще один существенный аргумент – участие роботов в коммерческом обороте. Уже сейчас ИИ торгует на биржах, управляет инвестициями, заключает сделки. Пока юридически эти действия оформляются через людей (брокеров, доверителей). Но в случае появления ИИ, действующего быстрее и эффективнее без постоянного представителя, бизнес может потребовать юридической формализации их действий. Не исключен и качественный скачок в развитии ИИ, к которому право должно быть готово.

⁶ Суд в Китае признал, что изображения ИИ имеют авторские права. URL: <https://dzen.ru/a/Z-JnXCx021f6Ht> (дата обращения: 25.11.2025).

Национальные подходы весьма похожи в части отказа от радикальных решений: Россия, ЕС, США, Китай (при всех их различиях) не приняли законы о роботах-субъектах [17, с. 102]. Везде обсуждаются альтернативы: сохранение статус-кво (робот – вещь, а ответственность на человеке) либо введение специальных правил ответственности/страхования. Со своей стороны, хотелось бы заметить, что в настоящий момент нет оснований признавать роботов с ИИ (или отдельно сам ИИ) субъектами права. Текущее развитие технологий не оправдывает столь радикального шага, а потенциальный вред (размывание ответственности и правовая неопределенность) перевешивает гипотетические выгоды. Однако необходимо совершенствовать законодательство об ответственности (введение презумпции вины производителей, обязательное страхование роботов-источников повышенной опасности), не меняя основы теории правосубъектности. Вместо попытки «очеловечить» робота нормативно разумнее усовершенствовать механизмы привлечения к ответственности человека, причастного к его созданию и эксплуатации.

Такой подход будет соответствовать принципу социальной справедливости: лицо, извлекающее выгоду из технологии, должно нести все риски. И хотя нельзя исключать, что в будущем ситуация изменится, все равно решение о возможном придании роботу особого правового статуса должно приниматься лишь при наличии веских социальных и экономических оснований и после всестороннего анализа последствий. Однако даже в этом случае, скорее всего, речь будет идти о весьма ограниченном правовом статусе робота-субъекта. Возможен и компромиссный вариант – квазиправосубъектность (хотя это и не самый удачный термин), при которой роботы получают право участвовать в обороте или управлять страховым фондом, но останутся под надзором уполномоченных людей или организаций (аналог опекуна или управляющего). В любом случае еще долго роботы будут оставаться особым объектом права в глазах закона, а не субъектом, обладающим правами и обязанностями. Такой подход подтверждается и здравым смыслом, и опытом различных стран. Вместо признания «прав ИИ» законодателю следует сконцентрироваться на разработке четких правил ответственности, прозрачности и контроля в сфере искусственно-

го интеллекта – это обеспечит баланс интересов всех участников (разработчиков, пользователей, общества) без создания юридических фикций, опережающих развитие данной технологии.

Список литературы

1. *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства : учебник. М. : Норма, 2000. 552 с.
2. *Капитонова Е. А., Романовский Г. Б.* Конституционная правосубъектность личности в контексте этики животных // Государство и право. 2023. № 1. С. 23–33. <https://doi.org/10.31857/S102694520018305-6>
3. *Ишеков К. А., Проницева Е. А.* Искусственный интеллект в структуре гражданско-правовых отношений // International Law Journal. 2025. Т. 8, № 5. С. 86–93.
4. *Бегиев И. Р.* Проблема определения правосубъектности роботов // EX JURE. 2021. № 3. С. 7–16. <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2021-3-7-16>, EDN: HGIMSU
5. *Simonart V.* Artificial intelligence and legal personality. URL: <https://liedekerke.com/en/insights/artificial-intelligence-and-legal-personality#:~:text=focusses%20on%20a%20piecemeal%20approach,that%20it%20is%20not%20necessary> (дата обращения: 26.11.2025).
6. *Соменков С. А.* Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2 (54). С. 75–85. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.54.2.075-085>, EDN: ZBOCAP
7. *Никитин Т. Ф.* К вопросу об определении правосубъектности искусственного интеллекта в Российской Федерации, Федеративной Республике Германия и Нидерландах // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Второй международной научно-практической конференции / под ред. Д. В. Бахтеева. Екатеринбург : Уральский гос. юрид. ун-т, 2020. С. 124–130. EDN: KHQPGQ
8. *Марченко А. Ю.* Правовой анализ новейшего законодательства ЕС о применении технологий искусственного интеллекта : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 208 с.
9. *Михалева Е. С., Шубина Е. А.* Проблемы и перспективы правового регулирования робототехники // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12 (109). С. 26–35. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.109.12.026-035>
10. *Лантев В. А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.2.79.102>
11. *Федоров А. В.* Уголовная ответственность юридических лиц в Республике Исландия // Российский следователь. 2023. № 11. С. 62–68.
12. *Requena K. K. D., Lopez D. L. D., Cordova H. Y. R., Cabrera E. C. J.* El Reconocimiento Del Agua Como

- Sujeto de Derecho en Peru: Una Perspectiva en Evolucion // *Revista Catalana de Dret Ambiental*. 2024. Vol. 15, iss. 1. P. 1–34.
13. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. № 4. С. 24–48. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.4.24.48>
 14. Журавлева А. В., Куликова Ю. А. Искусственный интеллект как субъект права // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2025. № 3. С. 88–94. <https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-3>
 15. Shestak V. A., Ilicheva Z. I. On possibility of perception of modern Spanish law concepts of legal personality for artificial intelligence: A view from Russia // *Baikal Research Journal*. 2019. Vol. 10, № 3. P. 13–13. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10\(3\).13](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10(3).13), EDN: LTLJXL
 16. Тонких Е. Опыт Китая в регулировании ИИ: между Сциллой и Харибдой. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opyt-kitaya-v-regulirovanii-ii-mezhdu-stsilloy-i-kharibдой/> (дата обращения: 20.11.2025).
 17. Никифоров С. В. Международная правосубъектность искусственного интеллекта как социально-политического феномена киберпространства // *Социально-политические науки*. 2020. Т. 10, № 1. С. 100–105.
 7. Nikitin T. F. To the question of determining the legal personality of artificial intelligence in the Russian Federation, Federal Republic of Germany and the Netherlands. *Tekhnologii XXI veka v yurisprudentsii* [Bakhteev D. V. (ed.) Technologies of the 21 Century in Jurisprudence. Materials of the Second international scientific and practical conference]. Yekaterinburg, Ural State Law University Publ., 2020, pp. 124–130 (in Russian). EDN: KHQPGQ
 8. Marchenko A. Yu. *Legal analysis of the latest EU legislation on the use of artificial intelligence technologies*. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2022. 208 p. (in Russian).
 9. Mikhaleva E. S., Shubina E. A. Challenges and prospects of legal regulation of robotics. *Actual Problems of Russian Law*, 2019, no. 12 (109), pp. 26–35 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.109.12.026-035>
 10. Laptev V. A. Artificial intelligence and liability for its work. *Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki*, 2019, no. 2, pp. 79–102 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.2.79.102>
 11. Fedorov A. V. Criminal liability of legal entities in the Republic of Iceland. *Rossiyskiy sledovatel`* [Russian Investigator], 2023, no. 11, pp. 62–68 (in Russian).
 12. Requena K. K. D., Lopez D. L. D., Cordova H. Y. R., Cabrera E. C. J. The Recognition of Water as a Subject of Law in Peru: An Evolving Perspective. *Revista Catalana de Dret Ambiental*, 2024, vol. 15, iss. 1, pp. 1–34.
 13. Gadzhiev G. A., Voinikanis E. A. Could be a robot a subject of law (in search of legal Forms for digital economy regulation)? *Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki*, 2018, no. 4, pp. 24–48 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.4.24.48>
 14. Zhuravleva A. V., Kulikova Yu. A. Artificial intelligence as a legal entity. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 2025, no. 3, pp. 88–94 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-3>
 15. Shestak V. A., Ilicheva Z. I. On possibility of perception of modern Spanish law concepts of legal personality for artificial intelligence: A view from Russia. *Baikal Research Journal*, 2019, vol. 10, no. 3, pp. 13–13. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10\(3\).13](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2019.10(3).13), EDN: LTLJXL
 16. Tonkikh E. *Opyt Kitaya v regulirovanii II: mezhdustsilloy i Kharibдой* (China's experience in AI regulation: Between Scylla and Charybdis). Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opyt-kitaya-v-regulirovanii-ii-mezhdustsilloy-i-kharibдой/> (accessed November 20, 2025) (in Russian).
 17. Nikiforov S. V. International personality of artificial intelligence as a cyberspace socio-political phenomenon. *Sociopolitical Sciences*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 100–105 (in Russian).

References

1. Nersesyants V. S. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General theory of law and the state]. Moscow, Norma, 2000. 552 p. (in Russian).
2. Kapitonova E. A., Romanovsky G. B. Constitutional legal personality of a person in the context of animal ethics. *State and Law*, 2023, no. 1, pp. 23–33 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S102694520018305-6>
3. Ishekov K. A., Pronicheva E. A. Artificial intelligence in the structure of civil law relations. *International Law Journal*, 2025, vol. 8, iss. 5, pp. 86–93 (in Russian).
4. Begishev I. R. The problem of determining the legal personality of robots. *EX JURE*, 2021, no. 3, pp. 7–16 (in Russian). <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2021-3-7-16>, EDN: HGIMSU
5. Simonart V. *Artificial intelligence and legal personality*. Available at: <https://liedekerke.com/en/insights/artificial-intelligence-and-legal-personality#:~:text=focusses%20on%20a%20piecemeal%20approach,that%20it%20is%20not%20necessary> (accessed November 26, 2025).
6. Somenkov S. A. Artificial intelligence: From object to subject? *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2019, no. 2 (54), pp. 75–85 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.54.2.075-085>, EDN: ZBOCAP

Поступила в редакцию 27.11.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 05.12.2025
The article was submitted 27.11.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 05.12.2025